

Молнии искусства

Автор:

Александр Блок

Молнии искусства

Александр Александрович Блок

«Время летит, цивилизация растет, человечество прогрессирует. Деятнадцатый век – железный век. Век – вереница ломовых телег, которые мчатся по булыжной мостовой, влекомые загнанными лошадьми, погоняемые желтолицыи, бледнолицыи людьми; у этих людей – нервы издерганы голодом и нуждой; у этих людей – раскрытые рты, из них несется ругань; но не слышно ругани, не слышно крика; только видно, как хлещут кнуты и вожжи; не слышно, потому что оглушительно гремят железные полосы, сваленные на телегах...»

Александр Александрович Блок

Молнии искусства

Предисловие

Время летит, цивилизация растет, человечество прогрессирует.

Деятнадцатый век – железный век. Век – вереница ломовых телег, которые мчатся по булыжной мостовой, влекомые загнанными лошадьми, погоняемые

желтолицы, бледнолицы людьми; у этих людей – нервы издерганы голодом и нуждой; у этих людей – раскрытые рты, из них несется ругань; но не слышно ругани, не слышно крика; только видно, как хлещут кнуты и вожжи; не слышно, потому что оглушительно гремят железные полосы, сваленные на телегах.

И девятнадцатый век – весь дрожащий, весь трясущийся и гроыхающий, как эти железные полосы. Дрожат люди, рабы цивилизации, запуганные этой самой цивилизацией. Время летит: год от года, день ото дня, час от часу все яснее, что цивилизация обрушится на головы ее творцов, раздавит их собою; но она – не давит: и безумие длится: все задумано, все предопределено, гибель неизбежна; но гибель медлит; все должно быть, и ничего нет; все готово произойти, ничего не происходит. Революции ударяют, разряжаются, пролетают. Люди трясутся от страха – всегда: были людьми – давно уже не люди, только показывают себя так; рабы, звери, пресмыкающиеся. Того, что называлось людьми, Бог давно не бережет, природа давно не холит, искусство давно не радует. И само то, что прежде называлось людьми, давно ничего не просит и не требует ни у Бога, ни у природы, ни у искусства.

Цивилизация растет. В начале века Бальзак говорил о «человеческой комедии». В половине века Шерр – о «трагикомедии». Теперь – уличный фарс. Час фарса пробил, когда поднялся от земли первый аэроплан.

Воздух завоеван – величественное зрелище; жалкий франтик взвился под облака: курица захлопала крыльями и собралась лететь; перелетела через навозную кучу.

Знаете ли вы, что каждая гайка в машине, каждый поворот винта, каждое новое завоевание техники плодит всемирную чернь? Нет, вы этого не знаете, ведь вы – «образованные», а «пошлость образованного человека не имеет себе равной», – как проговорился однажды ваш добродушный Рескин. Он и еще проговаривался:

«В настоящее время нашим дурным общественным строем создан громадный класс черни, совершенно потерявший всякую способность к благоговению и самое представление о нем.

Класс этот поклоняется только силе, не видит прекрасного вокруг, не понимает высокого над собою; его отношения ко всякой красоте, ко всякому величию – отношения низших животных: страх, ненависть и вожделение; в глубине своего

падения он недоступен вашим призывам! численностью своею превышает ваши силы; его нельзя очаровать, как нельзя очаровать ехидну; нельзя дисциплинировать, как нельзя дисциплинировать муху».

Что же делать искусству? «В конце концов все, что может искусство, – это сделать скотину менее злой», – думал Флобер. Скотину – менее, а человека – более.

И вот, задыхаясь от злости, от уныния, от отчаянья, человек тянется к великому прошлому, бредет, например, по картинной галерее.

Обрекая себя на унылое скитальчество по картинным галереям Европы, подчиняясь их докучному порядку, в лучшем случае хронологическому, но часто устанавливаемому «знатоками искусства», теми академиками, имя которым легион, – мы, без сомнения, надеемся похитить у времени хоть одно мгновение ни с чем не сравнимого восторга.

Однако в европейском обществе дело поставлено так, что скоро мы принуждены будем лишиться и этих минутных наслаждений. О, если бы все ограничивалось только государственными плевками на билетах и молчаливыми сторожами всяких академий и муниципалитетов! Но препятствия растут, как растет цивилизация; и конец ее чудовищного и сумасшедшего роста едва ли суждено нам увидеть.

Племя английских туристов и туристок отличается поистине пороссячьей плодовитостью; «Тайная вечеря» Леонардо, например, уже недоступна для зрителя; при входе в сырую конюшню, где помещена картина, наталкиваешься, прежде всего, на забор из плоских досок; это – спины англичанок, сидящих рядом на стульях, как куры на нашесте. Их племя плодит породу гидов, которые голодной стаей бросаются на посетителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-blok/molnii-iskusstva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)